

этой местности шапсугов в их владениях находился целебный родник, привлекавший тысячи паломников и располагавшийся в восьми верстах от станицы Неберджаевской. У самого источника, на скале, виднелась рельефная каменная рука. Жители окрестных станиц издавна использовали эту воду для лечения различных болезней. Славу источнику «Святой Руки» создали греки-поселенцы, рассказывавшие о многочисленных случаях исцеления от различных болезней. В благодарность паломники оставляли у источника образки, кольца, часы и другие вещи. Особенный наплыв паломников к «Святой Руке» наблюдался ежегодно на день св. Петра и Павла и в день Успения Богородицы.

Путешествие к «Святой Руке» было продолжительным и трудным. Кратчайший путь (10–11 верст) можно было преодолеть только пешком или на верховой лошади среди живописных ущелий и долин, поросших вековым лесом. Менее трудным, но более продолжительным был путь по железной дороге до станции Баканская, а оттуда через станицу Неберджаевскую 38 верст на лошадях [14]. В 1914 году у источника соорудили большую каменную часовню на средства грека-поселенца В. Колесиди из Геленджика в благодарность за чудесное исцеление жены от болезни.

В районе Псекупских минеральных источников на южной стороне минеральной площадки у подножья Абадзехской горы рядом с Иверской часовней белела чаша Иверского источника. К нему стремились за исцелением от недугов.

Паломничество в монастыри позволяло обратиться к православной культуре. Монастыри были центрами просвещения. В больницах, организованных при них, оказывали помощь нищим и больным. Монастырское хозяйство, как правило, было образцовым. Строгость и послушание, молитва и труд, милосердие и высокая культура во

всем – вот общие черты божьих обителей, которые отмечали паломники и туристы.

Литература и источники

1. *Биржаков М. Б.* Введение в туризм. СПб., 2001. С. 228.
2. *Шептун С.* Из истории православной церкви. Краснодар, 1995. С. 220.
3. *Попко И. Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858. С. 172.
4. *Дмитриенко И. И.* Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т. 4. СПб., 1898. С. 184.
5. Там же. Т. 3. С. 774–775.
6. *Кияшко И. И.* Екатерино-Лебяжья-Свято-Николаевская пустынь. Краткая историческая справка. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 670. Оп. 1. Д. 23, 29.
7. *Щербина Ф. А.* История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2. С. 785–786.
8. *Крыжановский П. Н.* Исторический очерк женской во имя Св. Марии Магдалины иноческой за 50 лет ее существования пустыни // Ставропольские епархиальные ведомости. Ставрополь, 1902.
9. *Доброхотов Ф. П.* Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга. СПб., 1916. С. 137.
10. *Васюков С. И.* Край гордой красоты. СПб., 1903. С. 152.
11. *Москвич Г. Г.* Путеводитель по Кавказу. СПб., 1914. С. 403–406.
12. Майкопский церковный вестник. № 9 (28). 15 июля 2002.
13. *Доброхотов Ф. П.* Черноморское побережье Кавказа ... С. 137.
14. *Москвич Г. Г.* Путеводитель по Кавказу ... С. 403.

Z. D. MURTUZOVA. DEVELOPING OF PILGRIMAGE AND RELIGIOUS TOURISM IN KUBAN-CHERNOMORIYE (End of XVIII – beginning of XX)

The author investigates such kinds of tourism as pilgrimage and religious one, underlines the peculiarities of their development in the South of Russia from the end of XVIII century to the beginning of XX century.

Key words: religious tourism, History and culture of the North Caucasus.

С. С. ЛАЗАРЯН

ТОРГОВЛЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ КАВКАЗСКОГО НАМЕСТНИКА КНЯЗЯ М. С. ВОРОНЦОВА

Автор характеризует торговую политику властей на Юге России, в частности – деятельность кавказского наместника М. С. Воронцова, который способствовал приобщению кавказских жителей к новым ценностям и внедрению в их жизнь новых смыслов повседневного существования.

Ключевые слова: князь М. С. Воронцов, экономика Северного Кавказа, социокультурное пространство региона.

Вступив в управление Кавказом, князь М. С. Воронцов тотчас же стал искать наиболее

действенные способы решения основных задач, поставленных перед ним императором. Весь

прежний опыт административной деятельности и европейское воспитание подсказывали ему первостепенный выбор в пользу предоставления широких возможностей для местной кавказской торговли, которая в интерпретации российских властей представляла не только один из видов экономической деятельности, но и средство изменения условий человеческого существования в пространстве кавказского мира.

Николай I видел в торговле инструмент достижения, прежде всего, политических целей на определенной территории и об этом просил помнить своего наместника. В то же время он никогда не упускал из вида, что только комплексный подход способен был приблизить успешное завершение всего перечня усилий по превращению Кавказа в часть Российской империи.

Приступив к преобразованию кавказского мира на имперский лад, или подталкивая его на путь, одобряемый империей, М. С. Воронцов, помня об установках, данных ему лично Николаем Павловичем, в каждой сфере кавказской жизни стремился заложить предпосылки, которые через какое-то время могли бы прорасти и заколоситься тучными нивами нового бытия.

Помимо множества всех других средств и усилий, которые планировал или осуществлял князь М. С. Воронцов в Кавказском крае, торговле отводилось весьма важное место, в силу того, что мир торговли и связанные с ним социально – культурные, экономические и социально – психологические процессы могли развиваться (как это было в иных частях мира) к «пользам» всех участников кавказских событий и, прежде всего, к пользам «русского дела», не требуя непосильных издержек для России.

Уже в силу того, что «торговля является одним из самых могущественных факторов исторического процесса» [1], своеобразным «орудием цивилизации» князь М. С. Воронцов не мог ее игнорировать в своей деятельности.

Наместник намеревался дать почувствовать всем жителям Кавказского края, в том числе и «не мирным» на то время горцам, все выгоды товарообмена с Россией. Материальными стимулами и выгодами он намеревался изменить их мироощущение и направить их энергию в созидательное русло, как это понимали в европейско-русской среде.

Торгово-экономические связи России с Кавказом призваны были, в первую очередь, изменить саму систему связей и отношений внутри кавказских обществ, изменить принципы построения и функционирования их общественных структур, сделать их более открытыми для инокультурного (русского) воздействия.

Россия, обладавшая новыми, почти неизвестными среди кавказских этнических обществ знаниями и умениями, стремилась представить их в качестве основного фактора, «способствующего исторически значимым социальным изменениям» [2].

Наместник поставил одной из своих задач, актуальных на тот исторический период, – демонстрацию кавказским народам имперских новинок, могущих стать для них привлекательным раздражителем, способствовавшим желанию скорейшего становления на путь освоения и присвоения их, чтобы тем самым получить доступ «ко всему, что дают блага цивилизации тем, кто ими обладает» [3].

Если начальствующие на Кавказе лица и Петербург до прибытия князя М. С. Воронцова в торговле видели исключительно политическое орудие, лишённое экономической выгоды, своеобразную дубину принудительной подчиненности местных жителей Кавказского края имперской воле, то князь Воронцов одним из первых стал задумываться об экономической и социальной функции торговли в крае.

В политические цели империи он вплетал мощный стимул заинтересованности в росте богатства и получения новой экономической силы для частных интересов, позволявших в экстраординарных условиях противоборства на Кавказе изменить социальное положение большому числу людей, чей прежний статус лишал их надежды на социальное возвышение.

Князь Воронцов стал содействовать таким людям в их усилиях частного характера, которые могли реализоваться только в связи и под эгидой политических целей Российской империи. Князь Михаил Семенович способствовал становлению социального слоя предприимчивых людей, превращавшихся в социальную опору имперских инноваций в Кавказском крае, формировал социальное поле всемерной поддержки дела России на Кавказе.

Если в переселенческой среде этот процесс проходил органично и естественно, то в других социально-культурных средах Кавказа ситуация была иной: прослеживалось противодействие этнокультурной традиционности, которая всегда болезненно относится к попыткам демонстрации или навязывания культурного доминирования кем бы то ни было, видя в том угрозу потери идентичности.

В то же время, растущий численно зажиточный слой торгующих людей и те условия их существования, которые открывались в рамках расширявшихся и углублявшихся связей с Россией (при одновременном ослаблении всех иных влияний среди автохтонных народов Кавказа), вели к явным или постепенно проявлявшимся переменам в горских обществах. В них стали обнаруживаться перспективы, противоположные тем, например, над строительством которых много и долго трудился имам Шамиль, а торговля, сама по себе нейтральная к политическим целям, приобретала взрывоопасную силу в умелых руках, нанося непоправимые удары по общественным устоям имамата.

Пестуемый князем Воронцовым класс предприимчивых людей становился наглядным примером, демонстрацией и пособием представителям

кавказских этносов, который приобретал способность взламывать неприступные крепости традиционалистских устоев, даже такой силы, какой обладали общественные структуры традиционного общезжития, их морально-культурная или религиозная императивность. Из многих исследований известно, что морально-нравственный климат и обыкновения в аграрно-традиционных сообществах, тех или иных требований религиозных установлений существенно влияют на возможности становления и развития торговли как таковой [4].

Экологический фактор, своеобразие ландшафтного пространства Кавказа в определенной степени облегчали задачу российской модернизаторской деятельности князя Воронцова или, по крайней мере, предоставляли возможность надеяться на успешность предлагавшихся начинаний.

В силу сложившихся условий обитания и адаптации к кормящим ландшафтам, возможности выживания кавказских этнических обществ в значительной степени «определялись богатством или скудостью ресурсов и экологических условий жизненного пространства».

Опыт показывал князю-наместнику, что возникновение факторов для развития торговли и вовлечение в нее тех или иных социальных групп напрямую зависит от имевшихся в их распоряжении ресурсов.

Те сообщества, которые не могли полагаться исключительно на результаты крестьянского производства, вынуждались к поиску «пополнения своего пропитания и доходов за счет внешних источников». Для горских обществ это были источники, сложившиеся на основе своеобразных обыкновений, например, набег. В том случае, когда селение располагалось на границе экологических зон, возникали условия для развития торговли. По крайней мере, торговый обмен, как средство пополнения жизненных припасов, для горских обществ оставался в кавказских условиях до конца не реализовавшимся потенциалом, которым князь-наместник решил воспользоваться.

Однако экономика, основанная на европейско-русских механизмах и институтах, требовала рационализации экономических отношений, «подразумевающей поощрение индивидуального стремления к увеличению прибыли и неравенство доходов, возникающее из-за различных индивидуальных результатов» [5]. Это было как раз той одной из новаций, которые старался внедрить князь-наместник в социально-экономическую жизнь Кавказа.

Среди этнических обществ более организованные и развитые феодальные структуры Грузии адаптировались к новым условиям быстрее других частей Кавказского края, так как уже до прихода России на Кавказ обладали достаточно развитой и сходной в своих основаниях с Россией государственностью и соответствующими экономическими институтами, освящавшимися сходными формами религиозности.

В данном случае Грузия для князя М. С. Воронцова была экспериментальной площадкой реализации его идей, где проходили проверку те или иные установки политико-административного или социально-экономического характера, которые он распространял в иные части Кавказского края.

Реализуя задачи имперского правительства, князь Воронцов пожелал иметь в Тифлисе центр распространения русских мануфактурных изделий за Кавказом и покупки местного сырья и кавказских товаров для последующей отправки их в Москву. Это позволяло российскому капиталу стать прочной ногой в крае, оттеснить иностранных конкурентов и привязать край к империи еще одной прочной нитью. Для этого князь позвал представителей московского купечества и фабрикантов устроить в столице Кавказского наместничества мануфактурные депо.

Открыв в 1847 году в Тифлисе два депо русских мануфактурных товаров, князь-наместник заметно изменил и сам характер местной торговли, в которой монопольное положение занимали армянские купцы, диктовавшие свои условия местным потребителям. Пользуясь своим положением, они держали цены на высоком уровне и навязывали покупателям не всегда качественный товар.

Депо же принесли большую пользу не только Тифлису, но и всему Закавказскому краю: появилось много хороших вещей и изделий вместо грубых или так называемого брака, обыкновенно привозимых сюда армянами с Нижегородской ярмарки, притом цены уменьшились.

Местные купцы учли этот урок и уже в 1848 году привезли для реализации в Закавказье товары гораздо лучшего качества, выписав их из Москвы или Нижнего Новгорода.

М. С. Воронцов стремился, чтобы учрежденные депо заменили местным купцам поездки в Москву или Нижний Новгород и стали главными поставщиками всей номенклатуры мануфактурных изделий для края, направив внимание местных предприимчивых людей единственно в сторону России.

С этой целью он обращался к московским фабрикантам и купцам, уговаривая их снизить цены на товары, бывшие для края первой необходимостью, что не только бы увеличило их доходы, но «они оказали бы важную услугу здешнему краю удалением соперничества торговли европейцев, оставляя менее причин и нужд для контрабанды» [6].

Контрабанда была истинным бичом Закавказского края, нанося огромный вред не только всякой официальной торговле, но пагубно влияла на мораль и нравы местных жителей и чиновников российской администрации. Об этом вынужден был сказать начальник гражданской канцелярии Кавказского наместника С. В. Сафонов императору Николаю Павловичу, будучи на аудиенции с ним в Петербурге 28 сентября 1846 года.

С. В. Сафонов признался, что весь Закавказский край был наполнен контрабандой. Она проникала

через границу «вооруженною рукою», и не было никакой возможности ее остановить, поскольку этому способствовали, как жители приграничной полосы, так и то обстоятельство, что казаки постов из-за плохого климата большую часть года болели, и случалось, что «там нет ни одного казака на ногах».

С другой стороны, например, персидское правительство поощряло контрабанду, и был случай, когда «оно дало нашему таможенному чиновнику орден Льва и Солнца за облегчение при пропуске контрабанды» [7].

В качестве средства борьбы с контрабандой М. С. Воронцов предлагал Петербургу установить режим льготной торговли с таможенным сбором в 5% хотя бы для некоторых категорий иностранных товаров, что сделало бы контрабанду менее выгодной, а местные кавказские власти могли бы контролировать большую часть торговых сделок, что принесло бы казне ощутимую пользу. Кроме того, беспошлинный пропуск некоторых товаров на восточном побережье Черного моря был очень важен и в политическом отношении: «он удаляет стремление к тайному водворению контрабанды и, следовательно, к более или менее вредному для нас сношению с ним» [8].

Однако император не принял всех доводов С. В. Сафонова и не поддержал предложений М. С. Воронцова в полной мере. Николай Павлович опирался на мнение профильных министерств и московских фабрикантов, которые возражали против льготной торговли иностранными товарами за Кавказом, мотивируя тем, что это причинит вред казне и интересам российской промышленности. Николай I напомнил С. В. Сафонову, что он должен блюсти интересы всей России, а не только какой-либо ее части.

К тому же, у императора были и политические причины противиться данному предложению. Он считал, что такую торговлю нельзя допускать, ибо она будет препятствовать тому, чтобы Кавказ зависел от Севера, России. Предоставлением Закавказскому краю свободной торговли отнималась возможность «заставить жителей оного быть уверенными, что все хорошее получают они не от России, а извне» [9]. Это само по себе могло бы противодействовать развитию процессов объединения Кавказа с империей.

В то же время необходимо было найти выход из создавшейся ситуации. Император согласился на частичные перемены и в 1847 году был приведен в действие тариф, утвержденный им для Закавказского края 15 декабря 1846 года.

Этим тарифом были уменьшены пошлины на некоторые товары с целью поощрения их привоза в край. Однако опыт торговли за 1847 год скоро показал, что, несмотря на уменьшение, пошлины, взимаемые на ткани, «еще так высоки, что в некоторой степени соответствуют запрещению, и привоз европейских товаров не изменился».

Главная польза от нового тарифа, по мнению князя-наместника, состояла в отмене прежних постановлений, которые своим количеством и неясностью «приводили в затруднение не только торгующих, но даже и самых опытных таможенных чиновников». Это способствовало тому, что купцы «при точной известности о количестве пошлин, взимаемых с каждого товара», могли с большей уверенностью приниматься за торговые дела [10].

По мнению О. Ю. Захаровой, «Заветной мыслью Воронцова было создание в наместничестве условий, способствующих накоплению капиталов частными лицами. Этим он надеялся поощрить частную предприимчивость к разработке местных природных богатств» без существенных затрат казны.

В этом вопросе наместник опирался на местную инициативу, исходившую от местных предпринимателей – Тамамшева, братьев Мирзоевых, Атакуни и других [11].

В целях поощрения купечества и привлечения к торговле мещан Кавказского края в 1846 году по ходатайству князя-наместника купцам и мещанам, занимавшимся торговлей, была дана льгота в уплате гильдейских сборов и других платежей сроком на 5 лет. По истечении этого срока льгота была продлена еще на 3 года.

Для поощрения сельских производителей и сдерживания перекупщиков в городе Гори в 1852 году князь-наместник предписал начальнику гражданского управления Закавказским краем «учредить еженедельные базары по воскресным дням и ярмарку, ежегодно 10 ноября» [12].

Аналогичное предписание было дано князем М. С. Воронцовым князю Андроникову в мае 1853 года для учреждения еженедельных базаров по воскресеньям и ежегодной ярмарки с 1 октября по 1 ноября в городе Сигнахи [13].

Это привело к оживлению торговли. По церковным праздникам «в торговых местечках собирались со всех уголков страны сотни мелких производителей и торговцев». Широкой известностью пользовались Меджврисхевская, Сурамская, Хонская, Сенакская и другие ярмарки. В Гурии, в селе Двабзу устраивались еженедельные торги, а в селах Нагомари, Ланчхути, Джумати – ежегодные ярмарки.

Ситуация стала кардинальным образом меняться и «торговля, считавшаяся прежде среди грузин унизительным занятием (особенно в Западной Грузии), теперь охватывала все более широкий круг представителей крестьянства и дворянства». Наряду с армянским купечеством появилось грузинское. Купцы-грузины – Сараджишвили, Зубалашвили, Тавзаришвили, Чедия, так же как армянские купцы – Бозарджанц, Микиртумов, Зимзимов – накапливали большой денежный капитал.

Не стояли в стороне местные грузинские дворяне, которые заключали сделки с иностранными

коммерсантами, которые стали частыми гостями в селениях Грузии, особенно после того, как интенсивное дорожное строительство, развернутое М. С. Воронцовым, связало все части Грузии с Тифлисом.

Немаловажную роль в развитии закавказской торговли стало играть торговое пароходство вдоль восточных берегов Черного моря. Так в 1847-1848 годах установилось постоянное сообщение между Одессой и Кулеви.

В течение второй половины XX века в Кулеви стали систематически заходить торговые пароходы из Лондона, Константинополя, Трапезунда. Укрепились торговые связи с Керчью, Евпаторией, Ростовом-на-Дону, Феодосией и Таганрогом, а вместе с тем постоянно возрастал удельный вес российских товаров в Закавказском крае [14].

Так, по сведениям барона Мейендорфа (1846 г.), бывшего председателем московского Мануфактурного Совета, ежегодно в Закавказский край от московских фабрикантов и армянских купцов из России отправлялось: бумажных изделий на сумму 2 390 800 рублей серебром; шерстяных – на 380 000; льняных – на 150 000; металлов – на 90 000; металлических изделий – на 399 000; изделий из фарфора и фаянсовой посуды – на 60 000; других товаров – на 505 000; сверх того дорогого сукна из Царства Польского – на 50 000; байховых чаев – на 200 000. Всего – на 5 534 600 рублей серебром.

Торговля с Закавказьем привлекала внимание не только российских купцов, но, в свою очередь, купцы из Тифлиса и других городов и торговых сел Грузии, а также иных мест Закавказского края стали ездить в Моздок, Кизляр или Астрахань. Частыми гостями они были в Москве и Нижнем Новгороде.

В стимулировании ярмарочной торговли в Закавказском крае князь Воронцов видел условие для значительного развития торгового дела, которое, по его мнению, не находилось на той степени развития, на какой оно могло бы быть, судя по богатству и разнообразию произведений в крае.

Князь Воронцов продолжал, откликаясь на пожелания местных жителей, учреждать ярмарки по всему Закавказью. Так, им была назначена ярмарка в уездном городе Александрополе на Троицин день, «когда по обыкновению стекались в уезд жители, идущие с разных сторон на кочевье» [15]. В Ширванском уезде ярмарка была учреждена в многолюдном и торговом месте Сальянах.

Не менее интенсивно развивалась торговля и на Каспийском побережье. Н. П. Гриценко отмечал, что из всех пристаней Каспийского моря, расположенных вблизи Кизляра, шли товары в этот город, а оттуда расходились по всему Северному Кавказу и даже Закавказью. К середине XIX века торговые связи Кизляра с народами Северного Кавказа и Закавказья становятся более прочными, а вот ранее знаменитая пристань близ города Дербента стала утрачивать свое значение по причине отсутствия устроенного рейда [16].

В 1848 году князь М. С. Воронцов, осматривая Дербент и его окрестности, пришел к выводу, что городу необходим порт для доставления убежища судам, которые, не имея безопасной якорной стоянки, принуждены отправляться в Баку или Петровское укрепление.

По мнению наместника, устройство там, хотя бы небольшого порта, чрезвычайно укрепило бы не только сам город в промышленном и торговом отношении, но сильно поспособствовало промышленной деятельности всего Дагестана.

Взяв инициативу в свои руки, М. С. Воронцов попросил адмирала М. П. Лазарева прислать в Дербент офицера Корпуса штурманов для проведения необходимых исследований и представления соображений по устройству там порта, «хотя для малых судов, без больших расходов» [17]. Впоследствии князь-наместник собирался войти с ходатайством по данному поводу в Морское министерство.

Хотя город Дербент в торговом отношении сильно потерял, но «уезд его и соседство с богатым растительностью уездом Кубинским, ставит его наряду с лучшими в торговом отношении портами». Из Дербента вывозилась самая большая часть марены, «какая только везется по Каспийскому морю <...> до 150 000 пудов» [18]. Как подчеркивал Е. Козубский, «Русская промышленность, ознакомившись с отличными качествами дербентской марены, приняла непосредственное и деятельное участие в размножении ее плантаций и в усилении производительности» [19].

Приток денег в производство марены и постоянно растущий спрос привел в 1850 году к тому, что «разведение марены обратилось в манию, поглотившую все капиталы края», а среди населения появилась поговорка: «Сеять марену, значит сеять золото» [20]. Эта отрасль хозяйствования вместе с торговлей ее плодами заметно улучшила благосостояние предприимчивых дагестанцев.

В 1850 году в Дербентский порт заходило 148 судов: из Астрахани – 49 и из Баку и других портов – 99, на которых было привезено товаров на сумму 204 400 рублей. В это же время из Дербента в Астрахань отправилось 102 корабля с товарами на сумму 401 836 рублей.

Значение Дербента как транзитного пункта для российских товаров в горные районы Кавказа не только не уменьшилось, но год от года выросло. С горскими народами «Дербент ведет транзитный торг русскими и персидскими произведениями, из которых русские бумажные ткани входят во всеобщее употребление между горцами, и по низкой цене своей почти совершенно вытесняют из употребления персидские» [21].

Н. П. Гриценко, давая оценку роли развития торговли в Каспийском регионе, писал: «Каспийский торговый флот способствовал проникновению товарно-денежных отношений далеко в горы, где развивался процесс социально-экономической, классовой дифференциации» [22].

Крупным торговым центром Дагестана в первой половине XIX века была резиденция шамхала Тарки. Большая часть жителей (около 10 000 чел.) вела торговлю с Кизляром [23].

Товарообмен занимал значительное место и в экономической жизни народов Нагорного Дагестана. В каждой семье там были развиты домашние производства, произведения которых использовались не только для удовлетворения собственных нужд, но направлялись на продажу.

Наибольшую склонность к коммерческой деятельности среди дагестанцев выказывали андийцы. Это в свое время отмечал также имам Шамиль [24]. Предметом их торговли были знаменитые на всем Кавказе бурки. В одном только Цудахаре было 38 хозяйств, главным источником процветания которых была торговля.

Наблюдая за деятельностью дагестанских коммерсантов, российское военное командование Левого фланга кордонной линии отмечало, что торговля и торговый оборот имели ощутимый удельный вес в системе горского хозяйства. Вся торговля осуществлялась там по крупной коммерческой артерии из Кюры и Нухи в Чечню по Аварскому Койсу.

Чтобы оказать давление на горцев и вынудить их к перемене отношений к российскому присутствию в крае, российские власти предприняли неординарные шаги к этому. Ими были арестованы андалальские купцы, находившиеся по коммерческим делам в различных торговых центрах Кавказского края. Таких купцов было арестовано почти 4 тысячи человек, «из которых, в свою очередь, каждый являлся как бы поверенным от 3–4 человек, вручивших ему свои капиталы» [25]. Российской стороне удалось, в конечном счете, добиться того, чтобы андалальцы стали служить «главными проводниками нашей торговли с горцами» [26].

К этому методу российская сторона прибегала неоднократно. В период наместничества князя М. С. Воронцова эту практику продолжали использовать, всякий раз угрожая закрыть для горцев торговые пути и прекратить их сношения с находившимися под контролем российской администрации и военных «базарными и хлебными областями» [27].

Всю первую половину XIX века все же основными центрами торговых контактов с горцами Северо-Восточного Кавказа оставались меновые дворы, которые использовались в качестве инструмента влияния на местное горское население.

Для поддержания торговых отношений с горцами Дагестана российской стороной использовался Амир-Аджи-Юртовский меновый двор. Только в 1846 году его посетили с коммерческими целями 2700 человек разных горских народов, горских евреев и армянских купцов [28].

Горские торговые люди посещали и другие меновые дворы, а также города Северного Кавказа. В середине XIX века ежегодно в торговых

операциях разного рода было задействовано до 12000 горских коммерсантов [29].

К концу 40-х годов XIX века торговую направленность приобретает Темир-Хан-Шура. Несмотря на то, что до завершения противоборства с имамам этот населенный пункт, прежде всего, оставался военным укреплением. Однако логика развития экономической необходимости брала свое, и военное предназначение Шуры постепенно подчинялось требованиям коммерческим. В связи с этим отмечалось, что жители данного города состояли преимущественно из людей торгового класса [30].

Горские жители Дагестана в 40–50-е годы XIX века стали посещать торговые места не только с целью участия в торгах, не только для продажи или покупки необходимых им товаров, но также в поисках заработков. В этой связи не только сама торговля, но и само пространство торговых операций притягивало часть горцев (прежде всего наименее обеспеченных), вовлекая их в новый для них мир повседневного существования, предлагая им новые способы получения жизненных благ в рамках мирной хозяйственной деятельности.

Таким образом, мир России, в силу некоторых очевидных или менее очевидных преимуществ, которыми он обладал по сравнению со всеми иными контрагентами, присутствовавшими в Кавказском крае, влиял на отдельные группы горского населения, вступающие в контакт с российской стороной, и разрастался в одном направлении – увеличивал социокультурное пространство империи. При помощи торговли Кавказский наместник М. С. Воронцов знакомил кавказских жителей с новыми ценностями и внедрял в их жизнь новые смыслы повседневного существования, близкие по своему содержанию и форме российским.

Литература

1. Дживилегов А. К. История торговли (до XIX в.) // URL: http://az.lib.ru/d/dzhiwelegow_a_k/text_esbe_15_torgovlya.shtml
2. Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев, 2013. С. 13.
3. Там же. С. 14.
4. Шрадер Х. Экономическая антропология. СПб., 1999; *Le Goff J. Time, Work and Culture in the Middle Ages*. Chicago, 1980; *Бродель Ф. Материальная цивилизация и капитализм: в 2 т. Т. 2*. М., 2006; *Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма*. М., 2006.
5. Шрадер Х. Экономическая антропология ... С. 110–111.
6. Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией (АКАК): в 11 т. Т. 10. Тифлис, 1885. С. 864.
7. Архив князей Воронцовых (АКВ): 40 т. Т. 38. М., 1892. С. 389.
8. АКАК. Т. 10. С. 863.
9. АКВ. Т. 38. С. 388.
10. АКАК. С. 862.

11. Захарова О. Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М. С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М., 2001. С. 334.
12. Кавказские курорты. Ростов н/Д. 1901. С. 3–4.
13. АКАК. Т. 10. С. 60, С. 64.
14. Очерки истории Грузии: в 8 т. Т. 5. URL: <http://yandex.ru/clck/redirect>
15. АКАК. С. 180, С. 838.
16. Гриценко Н. П. Роль российского торгового флота и портов Каспия в экономическом развитии Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX в. // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII – начало XX в.). Грозный, 1983. С. 94–95.
17. АКАК. С. 870–871.
18. Петриченко К. Каспий, его промышленность и торговля // Морской сборник. 1862. № 9. С. 68.
19. Козубский Е. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1905. С. 226.
20. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. Махачкала, 2009. С. 124.
21. Кавказский календарь на 1852 год. Тифлис, 1851. С. 320–321, С. 326.
22. Гриценко Н. П. Роль российского торгового флота ... С. 100.
23. История многовековых взаимоотношений и единения народов ... С. 122.
24. АКАК. Т. 11. Тифлис, 1904. С. 1447.
25. История многовековых взаимоотношений и единения народов ... С. 125.
26. Берже А. П. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Нальчик, 2010. С. 44.
27. АКАК. Т. 1. Тифлис, 1866. С. 657.
28. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 267.
29. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией ... С. 135.
30. Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 28.

S. S. LAZARYAN. TRADE IN ECONOMICAL AND SOCIAL POLICY OF THE CAUCASIAN VICEROY PRINCE M. S. VORONTSOV

The author characterizes the trade policy of the authorities in the South of Russia, in particular the activities of the Caucasian Viceroy M. S. Vorontsov, who contributed to the exposure of Caucasian residents to the new values and implementation in their life a new meaning of everyday life.

Key words: prince M. S. Vorontsov, the economy of the North Caucasus, sociocultural space of the region.

Б. А. ТРЕХБРАТОВ

ИЗ ИСТОРИИ НАЧАЛА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ: ВЫБОРЫ В ПЕРВУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ В КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ И ЧЕРНОМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье исследуется политический процесс в Кубано-Черноморье во время выборов в первый российский парламент – Государственную Думу (март–май 1906 г.).

Ключевые слова: политический процесс в России, Государственная дума, политические партии.

Мы живем в эпоху перманентно проходящих избирательных кампаний в разные органы власти, будь то президентские, республиканские, краевые (областные), муниципальные и прочие выборы. Мы к ним привыкли и считаем, что так должно быть и так было всегда. Поэтому и не задумываемся над тем, когда же в нашей стране появилась демократическая избирательная система и при каких обстоятельствах? Как и когда она начиналось: по решению сверху или путем давления снизу? В этой статье мы рассмотрим то, как проходили выборы в Государственную думу первого созыва в Кубанской области и Черноморской губернии, какие партии и общественные организации в них участвовали, как они взаимодействовали друг с другом и с властями, и к каким результатам пришли. Для этих целей мы выявляли и использовали материалы периодической печати того времени (газеты «Кубань и Черноморское побережье»,

«Заря», «Кубанская жизнь», «Кубанские областные ведомости» и другие, а также архивные источники, выявленные нами в Государственном архиве Краснодарского края и Российском государственном историческом архиве.

Россия позже многих стран вступила на путь парламентаризма. До 1905 года в ней отсутствовал какой-либо представительный законодательный орган. Его появление стало результатом Первой российской революции, когда Манифестом от 6 августа 1905 года император Николай II учредил Государственную думу как «особое законосовещательное установление, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных расходов». Разработка положения о выборах возлагалась на министра внутренних дел А. Г. Булыгина, был установлен срок созыва – не позднее середины января 1906